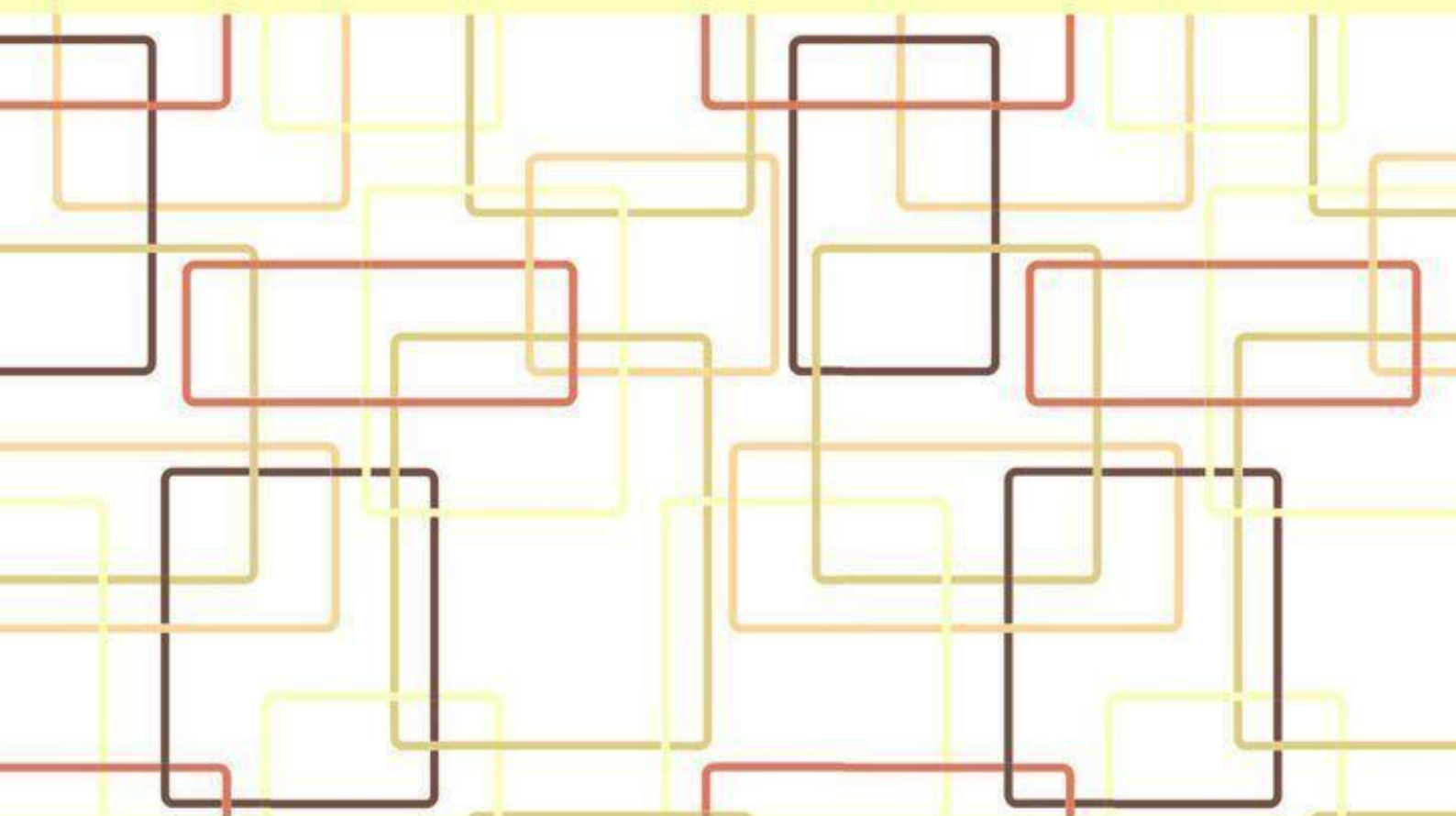


12+

Эрих Эрлэнбах



ЛОШАДКА ИЗ РАЙСКОГО САДА

Эрих Эрлэнбах

Лошадка из райского сада

«Издательские решения»

Эрлэнбах Э.

Лошадка из райского сада / Э. Эрлэнбах — «Издательские решения»,

«Лошадка из райского сада» Эриха Эрлэнбаха — щемящий роман-исповедь о потерянном рае детства в старом Тифлисе. Пятилетний Георгий только начинает остро ощущать эту Землю. Пытаясь укрыться от разрушительного гнева отца, мальчик находит приют в тихом полуподвале добрых монахинь, где ему дарят простую деревянную лошадку. Но этот чистый дар любви безжалостно отбирает взрослый мир. Это история о хрупкости души, абсурдных и жестоких правил, которые люди сами придумали и загнали себя в мир-клетку.

© Эрлэнбах Э.

© Издательские решения

Содержание

ЛОШАДКА ИЗ РАЙСКОГО САДА	6
(книга о потерянном и вновь обретенном рае)	7
Аннотация	8
ПРОЛОГ. Вероятность бытия	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОРОД НА СЕМИ ВЕТРАХ	11
Глава 1. Утренний хор и изумрудные крылья	11
Глава 2. Материнский свет	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Лошадка из райского сада

Эрих Эрлэнбах

© Эрих Эрлэнбах, 2026

ISBN 978-5-0070-7387-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛОШАДКА ИЗ РАЙСКОГО САДА



(книга о потерянном и вновь обретенном рае)

Аннотация

«Лошадка из райского сада» — это глубокий, щемящий роман-исповедь о хрупкости человеческой души, первом столкновении с жестокостью и великой силе памяти.

Пятилетний Георгий только начинает не понимать, а остро ощущать Землю, куда он попал по удивительной воле случая. Его мир — это калейдоскоп старого Тифлиса: величественный проспект Руставели, прохладный воздух Ботанического сада, шипящие стаканы с водой Лагидзе, звуки роялей из Консерватории и парящие над белой церковью кабинки канатной дороги. В этом мире есть любимый изумрудный петух, который «улетел будить солнце», и ласковое мамино тепло, пахнущее ванилью и абсолютной безопасностью.

Но детское счастье Георгия зажато в тиски семейной драмы. Домашнее пространство отравлено душным туманом канифоли и внезапными взрывами ярости отца — одарённого, но глубоко несчастного человека с разрушительным, почти демоническим характером.

Единственным прибежищем для Георгия становится тихий полуподвал одиноких монахинь — Матери Августы и Ильиничны, похожих на двух кротких ласточек в гнезде. Здесь, под мягким сиянием лампы, мальчику дарят простую деревянную лошадку, пахнущую сосновой смолой. Но именно этот чистый дар любви запускает цепь трагических событий. Ворвавшийся холодный взрослый мир с его абсурдными, противоречивыми догмами и жестокими правилами безжалостно отбирает игрушку, объявляя её «языческим идолом».

Героям предстоит пережить роковую ночь домашней катастрофы, великий исход в холодную зимнюю мглу и долгие годы скитаний.

Это история о том, как трудно сберечь в себе человека в мире-клетке, который люди построили для самих себя. И о том, что даже спустя десятилетия сосновое тепло забытой детской игрушки и свет далёкой лампы способны исцелить израненную душу и подарить великий дар прощения.

ПРОЛОГ. Вероятность бытия

Земля — странное место для того, кто только начинает её осязать. Пятилетний Георгий ещё не знал слов «рок», «судьба» или «предначертание». Для него существовало лишь чистое, острое, как утренний луч, ощущение. Ощущение того, что он попал сюда, на эти крутые, пахнущие сухой полынью и разогретым камнем склоны древнего города, по какому-то удивительному стечению обстоятельств, по воле чистой вероятности событий. Из бесконечного, прохладного ничто он вдруг проявился здесь, под огромным, выцветшим от зноя тифлисским небом.

Мир вокруг не объяснял себя — он обрушивался на мальчика запахами, звуками и предчувствиями. Георгий не понимал этот мир умом, он впитывал его кожей. В пять лет грани между живым и неживым, между чудом и бытом ещё не были проведены взрослой рукой. Всё казалось одушевлённым: и старый скрипучий диван, и трещина на штукатурке, похожая на профиль сказочного царя, и гулкие мостовые, содрогающиеся от шагов прохожих. Это было рождение сознания — прекрасное и одновременно пугающее.

Сейчас, спустя многие годы, Георгий часто задавал себе вопрос, который не давал покоя: почему одни люди, оказавшись на этой земле, видят в ней только пыль и серость, а другие — как та добрая Ильинична из полуподвала — различают в каждом камне, в каждой травинке отблеск райского сада? Быть может, ответ лежал не в устройстве мира, а в устройстве души? Быть может, рай не теряется, а лишь прячется, ожидая, когда кто-то вспомнит о нём с детской чистотой?

Георгий помнил тот день, когда впервые переступил порог подвала. Помнил запах — густой, сладковатый, похожий на смесь старой бумаги, сушёных трав и далёкого ладана. Помнил, как его маленькие пальцы вцепились в подол маминой юбки, потому что вниз вела крутая деревянная лестница, и ступени жалобно скрипели под ногами, словно старые, уставшие кости. А потом дверь отворилась, и он увидел свет.

Не тот резкий, безжалостный свет электрической лампочки, что горел в отцовской мастерской, выжигая глаза и оставляя после себя одни лишь тени. Нет. Это был другой свет — тёплый, текучий, словно растопленный янтарь. Он струился из красного угла, где на полке, покрытой вышитым полотенцем, стояли иконы. Их золотые оклады мерцали в пламени лампы, и казалось, что святые на этих древних досках дышат, шевелят тёмными глазами, смотрят на мальчика с той странной, вневременной любовью, которую можно встретить только в самых старых церквях или в глазах очень старых людей.

Мать Августа и Ильинична были именно такими — старыми, но не потускневшими, а словно бы покрытыми тончайшим золотом внутреннего света. Георгий сразу их запомнил: одну высокой и прямой, другую — маленькой и круглой, как каравай. Они не спросили, кто он и зачем пришёл. Они просто отворили дверь, когда мама тихо постучала, и сказали: «Заходите, родные, мы вас ждали». Откуда они знали? Может быть, в их мире, где время текло иначе, все события уже случились и были известны заранее? А может, они просто чувствовали то, чего не чувствуют другие люди — дыхание каждой заблудшей души?

Георгий сделал шаг вперёд, и подвал принял его, как принимает тёплое море пловца, уставшего от холода. Это был его первый урок: оказывается, мир может быть безопасным. Оказывается, существуют места, где тебя не будут ругать, где не будут кричать, где не будут швы-

рять на пол тяжёлые радиоприёмники, чтобы они разлетались на тысячи осколков. Этот урок запомнился на всю жизнь, хотя в ту минуту мальчик не мог бы его сформулировать словами. Он просто чувствовал: здесь хорошо. Здесь правильно.

А потом случилась та самая история с деревянной лошадкой, которая перевернула всё. Или, точнее, которая закрепила то, что уже начало формироваться в его душе: мир взрослых — это мир-клетка абсурдных, противоречивых правил, которые люди придумали для самих себя и необъяснимых запретов, но даже в нём, сквозь трещины и щели, пробивается свет чистой любви, которую никто не в силах уничтожить.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОРОД НА СЕМИ ВЕТРАХ

Глава 1. Утренний хор и изумрудные крылья

Старый Тифлис просыпался со скрипом, вздохами и протяжным, металлическим скрежетом. Дом, где жил Георгий с мамой и отцом, был посажен высоко на горе Мтацминда, словно ласточкино гнездо, прилепившееся к скале. Казалось, ещё чуть-чуть — и он сорвётся вниз, в ту бездну, что дышала внизу нагретым за день асфальтом и мутной водой Куры. Но дом держался, цеплялся за каменистый склон своими старыми, разошедшимися фундаментами, упрямо глядя на город маленькими оконцами-глазами.

Если Георгий подтаскивал к окну тяжёлую дубовую табуретку и вставал на цыпочки, цепляясь пальцами за деревянный подоконник, перед ним открывалась бездна, заполненная жизнью. Весь город лежал внизу, на дне огромной каменной чаши, подёрнутой сизой утренней дымкой. Дымка эта была не простой — она была живая, она дышала, поднималась из тысячи печных труб, смешивалась с паром от серных бань в старом районе Абанотубани и медленно таяла в солнечных лучах, превращаясь в золотую кисею.

Раньше всех, пробивая рассветный туман, раздавался далёкий, строгий заводской гудок. Он плыл над крышами, будя окраины, возвещая о начале трудового дня. Гудок этот был низким, басовитым, похожим на голос огромного, уснувшего в недрах земли животного, которое просыпалось ровно в шесть утра и громко зевало, выпуская пар.

Чуть позже, цепляясь колёсами за рельсы на крутых поворотах, скрежетали и повизгивали первые трамваи. Их зелёные бока, выкрашенные в цвет старой бронзы, мелькали между домами, как огромные жуки. Этот скрежет и визг были Георгию милы: они означали, что город жив, что огромный улей пришёл в движение, что миллионы людей, которых он никогда не увидит, но которые существуют где-то там, за стенами и заборами, тоже проснулись и делают свои важные, непонятные дела. «Мама, а почему трамваи кричат?» — спрашивал он. «Они не кричат, дорогой, они здороваются друг с другом», — отвечала мама, и мальчик верил, потому что в его мире всё могло разговаривать, если прислушаться.

А во дворе их дома царил свой, обособленный порядок. Это был типичный тифлисский двор — узкий, вытянутый между двумя глухими стенами, с деревянной галереей на втором этаже, где сушилось бельё и стояли в ряд цветочные горшки с геранью. Под ногами вечно путались ленивые, разомлевшие от тифлисского солнца кошки. Их было много — рыжих, чёрных, пятнистых, все они спали на деревянных галереях, шурились с заборов и казались жидким продолжением самого тепла. Они не обращали никакого внимания на прохожих, потому что в этом дворе они были хозяевами, а люди — лишь временными гостями.

Но главным среди всех живых существ двора был петух. Георгий обожал его всем своим пятилетним сердцем. Этот петух казался ему вестником богов — существом, спустившимся на землю из другого, более прекрасного мира. Он был огромным, с пылающим алым гребнем, похожим на королевскую корону, с хвостом, отливающим бутылочным зелёным стеклом и расплавленным золотом. Каждое его перо переливалось на солнце, и когда он распускал хвост, казалось, что у него тысячи глаз. Когда же он взлетал на плетень и, вытянув шею, оглашал

окрестности пронзительным, чистым криком, Георгию казалось, что именно эта песня заставляет солнце подниматься из-за дальних горных вершин.

— Мама, а петушок не устаёт будить солнце? — спрашивал Георгий, утыкаясь носом в её мягкий фартук.

— Нет, дорогой, — улыбалась мама, глядя его по жёстким вихрам. — Это его работа на Земле. Каждый должен петь свою песню. И петух поёт свою. А солнце его слышит и встаёт.

— А если он не споёт? — с тревогой спрашивал мальчик.

— Тогда солнце не встанет, и весь город останется спать. Но петух никогда не забывает свою песню. Никогда.

И Георгий верил. Каждое утро он просыпался ровно в тот миг, когда раздавался этот победный клич, и знал: мир снова запустился, всё идёт как надо, можно вылезать из-под одеяла и начинать новый день. Петух стал для него чем-то вроде часов, но не механических, а живых, дышащих. Он был частью неба, частью утра, частью того удивительного порядка, который управлял Вселенной.

А потом петух исчез. Просто в одно утро двор не вздрогнул от его победного крика. Георгий проснулся от тишины — странной, пустой, неправильной тишины. Он долго лежал, прислушиваясь, ожидая, что вот-вот раздастся знакомое «ку-ка-ре-ку», но вместо этого доносился лишь далёкий гудок завода да стук колёс трамвая. Мальчик встал, подошёл к окну, посмотрел вниз. Плетень был пуст.

Он долго ходил по дому, заглядывая под старые бочки в углу двора, заглядывал в сарайчик, где хранились дрова. Двор выглядел опустевшим, будто потерял что-то важное, что скрепляло его воедино. Кошки, и те казались растерянными, они мяукали и тёрлись о ноги Георгия, словно спрашивая: «А где наш повелитель? Где наш утренний царь?»

— А где наш петушок? — допытывался он у взрослых. — Он ушёл? Он заболел? Почему он не поёт?

Взрослые отводили глаза. Соседка, тётя Манана, живущая этажом ниже, погладила его по голове шершавой, пахнущей чесноком рукой и сказала: «Ушёл, ушёл, милый. В другие края улетел, повыше, в горы. Там тоже солнце будить надо, понимаешь? Не один же ты тут живёшь». Дядя Георгий, которого все звали просто Гия, добавил, не глядя на мальчика: «Там, в горах, и воздух чище, и петухам лучше. Что тут, в городе, пыль да гарь».

Мама сказала мало. Она присела на корточки, взяла лицо сына в ладони и посмотрела ему прямо в глаза. В её глазах была та особенная грусть, которую взрослые прячут от детей, но которая всё равно просачивается наружу, как вода через старую стену. «Сынок, — тихо сказала она, — наш петух выполнил свою работу. Теперь он отдыхает. Ты же понимаешь, все устают, даже самые сильные». И в голосе её было столько любви и боли одновременно, что Георгий заплакал, хотя до конца не понимал, почему.

Мальчик долго засыпал с мыслью о том, как его гордый изумрудный друг летит над куполами серных бань, над мутными водами Куры, всё выше и выше, туда, где горы касаются обла-

ков. Он представлял, как петух машет своими огромными, сверкающими крыльями, как его хвост распускается радугой, и как он садится на самую высокую вершину, чтобы поутру разбудить всё человечество новым, ещё более громким криком.

«Ты там не замёрзнешь? — мысленно спрашивал он. — Там, в горах, так холодно. У тебя же нет тёплого одеяла. Ты ведь привык к нашему двору, к нашему солнцу. Вернись, пожалуйста. Я буду ждать. Я каждое утро буду выглядывать в окно. Ты вернёшься, когда отдохнёшь?»

Лишь годы спустя, став взрослым человеком, он с внезапной, уколотившей сердце тоской поймёт: никто никуда не улетал. Его просто съели. Соседи наверняка знали, но молчали, потому что зачем же рассказывать пятилетнему ребёнку о жестокости мира, о том, что даже самый прекрасный петух может стать жертвой чужого голода? Они сберегли его детство, оставили ему веру в чудо, в то, что красота не исчезает бесследно, а лишь переходит в другую форму.

Но тогда, в пять лет, мир вокруг ещё защищался материнской улыбкой, казался милосердным и полным тайн. И Георгий продолжал верить, что где-то там, высоко над облаками, его петух всё ещё поёт, сражаясь с утренней темнотой.

Глава 2. Материнский свет

Если бы Георгия спросили, чем пахнет счастье, он бы не задумываясь ответил: мамой. От неё всегда исходило тепло — домашнее, уютное, пахнущее ванилью, подсушенной корочкой хлеба и свежевystираным бельём, которое она развешивала на галерее ранним утром. Этот запах был густым, осязаемым, он обволакивал мальчика с головы до ног, как мягкое одеяло, под которым можно было спрятаться от любых невзгод.

Мама была красивой. Георгий не мог бы тогда объяснить, что такое красота, но он знал, что её улыбка — самая лучшая на свете, что её руки, всегда тёплые и нежные, могут всё: и рану перевязать, и коленку залечить поцелуем, и испечь такие пирожки, от которых тают во рту и начинают петь неведомые райские птицы. Волосы у неё были тёмные, длинные, заплетённые в толстую косу, которую она укладывала вокруг головы короной. Когда она распускала их вечером, перед сном, они рассыпались по плечам чёрным водопадом, и в них отражался свет лампы, и тогда казалось, что она — не простая женщина, а царица или богиня, сошедшая на землю для того, чтобы оберегать маленького мальчика.

Рядом с ней огромный, пугающий мир сужался до размеров их маленькой квартиры, до размеров тёплой постели, до размеров маминых объятий. Георгий любил забираться к ней на колени, утыкаться носом в мягкую ткань её платья и слушать, как бьётся её сердце — ровно, спокойно, надёжно. Этот звук был самым успокаивающим в мире. Он слышал его, когда отец начинал кричать, когда гроза била стёкла, когда в тёмном углу мерещились страшные тени. И всегда, пока билось мамино сердце, мальчик знал: он в безопасности.

Мама умела превращать обычные дни в праздники. Она вырезала из бумаги причудливых птиц, клеила их на окна, и тогда казалось, что по стеклу гуляет целый волшебный зоопарк. Она напевала тихие, тягучие песни — грузинские, с их невероятными, переливающимися горными звуками, и русские, старые, которые пела ещё её бабушка. У неё был голос, похожий на журчание горного ручья — чистый, прозрачный, иногда высокий, иногда низкий, но всегда завораживающий. Когда она пела, даже кошки во дворе замолкали и прислушивались.

— Мам, а что ты поёшь? — спрашивал Георгий.

— О любви, дорогой. О том, что Бог дал нам этот прекрасный мир и что мы должны быть за него благодарны.

— А почему ты плачешь, когда поёшь?

— Это не слёзы, сынок. Это радость. Иногда радость бывает такой сильной, что не помещается внутри и просится наружу через глаза.

И Георгий верил. Он видел, как её глаза становятся влажными, когда она смотрит на закат, когда видит, как распускается первый цветок на балконе, когда держит его, маленького, на руках. Он знал: его мама — самая счастливая женщина в мире, потому что умеет чувствовать то, что другие не чувствуют. И он тоже хотел научиться этому искусству — видеть красоту в обычных вещах, слышать музыку в тишине, чувствовать Бога в дуновении ветра.

Когда отца не было дома, квартира преображалась. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь незашторенные окна, казались золотыми дорожками, по которым ходили невидимые ангелы. Мама пекла быстрые пироги — в маленькой кухоньке пахло мукой, дрожжами и корицей, — и её смех, лёгкий, серебряный, заполнял все углы их высокого жилища. В такие моменты Георгий чувствовал себя самым богатым человеком на свете, потому что у него было всё: мама, тепло, уют и уверенность в завтрашнем дне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.